

СЕРГЕЙ БУЗМАКОВ

ЗАПИСКИ УЧИТЕЛЯ ИСТОРИИ

Почти четверть века тому назад мне, недавнему выпускнику исторического факультета Барнаульского педагогического института, имевшему свободное распределение, силою обстоятельств довелось оказаться в школе. Ещё в советской школе.

За плечами у меня был месяц работы в госархиве края. Но должность заведующего читальным залом показалась мне отчаянно скучной, и три следующих месяца я провёл “на договоре” в краевой молодёжной газете, в которой, ещё будучи студентом, организовал “со товарищи” литературное приложение с модно-актуальным тогда, в конце восьмидесятых, словом “альтернатива”.

А ещё моя прытко начавшаяся “одиссея” трудоустройств вместила в себя и участие в строительстве МЖК (молодёжного жилищного кооператива) на заводе крупнопанельного домостроения (ЗКПД-1), где из всей нашей бригады формовщиков было аж два вольных человека: я да бригадир Серж из экс-прапорщиков.

Остальные являлись пациентами лечебно-трудового профилактория. Пациенты-формовщики были людьми двужильными. Пиво, добываемое им “связниками” с воли, они за алкогольный напиток не считали. Пары десятилитровых канистр на пятерых перед началом смены и в течение оной им явно не хватало. И они увлечённо обсуждали в перекуры, чем будут скрашивать свой вечерний элтэпэшный досуг: “Тройным”, “Шипром” или, на худой конец, “Нитхинольчиком”. Словом, выдержав пару месяцев этого реального абсурда, наслушавшись разговоров, что через полтора года никакого кооператива не будет построено, я решил отложить решение “квартирного” вопроса до лучших времён.

Кто-то знал, что через полтора года не будет не только кооператива жилищного, но и не станет вскоре, благодаря предательству “элитных прорабов”, и могущественного межнационального имперского кооператива под названием Советский Союз.

А на плечах у меня – двухлетняя дочка Машенька. Её надо кормить. На одну учительскую зарплату жены не проживёшь. Потому я охотно откликнулся на удачно подвернувшуюся вакансию учителя истории и обществоведения в школе № 48 города Барнаула.

То были славные год и девять месяцев! Школа меня приняла, и я принял школу. Я был полон новых впечатлений, новых знакомств, и я чувствовал: да, школа – это живое, это настоящее.

Но пришёл август 1991 года. Пришла радость 19 августа, сменившаяся недоумением 20-го и обречённым отчаянием 21-го. Наступил новый учебный год, а моя взбудораженность обиды от недавней победы потребителей и словоблудов не только не думала проходить, а наоборот – усиливалась. 21 сентября я принёс заявление директору, мудрому человеку, с сорокалетним учительским стажем, Виктору Романовичу Рудакову – светлая ему память... Директор искренне огорчился, а успокоившись, спросил:

- И куда, если не секрет?
- Попробую вернуться в “Молодёжь Алтая”.
- Может, всё же вам часов десять оставить? Как там у вас сложится... – печалился Виктор Романович.

Но я был настроен решительно.

Прорвёмся во вражде окружение. А там попартизаним! На своей земле – чего нам бояться!

И закутила, закутила почти на двадцать лет журналистика. Хотя с полгода шли мои материалы чаще в корзину редактора “Молодёжки”, нежели в набор. И клеймили их бывшие, кристально чистые комсомольские функционеры примерно так: “с душком советского патриотизма” и – повторить даже страшно! – “с частым упоминанием слова “русские””.

Но голодной и отчаянной весной 1992 года мой учитель в литературе и в жизни, прекрасный русский поэт Владимир Башунов пригласил работать в краевую писательскую газету “Прямая речь”, которую Владимир Мефодьевич возглавлял. Газета неумело – а откуда ж умению-то взяться? – сопротивлялась финансовому рыночному беспределу до середины 1993 года... А пусть и маленькую, но зарплату получал я в краевой сельскохозяйственной газете “Земляки”, куда устроился опять-таки благодаря Владимиру Мефодьевичу. “Земляков” тоже не пощадил прожорливый гайдаровский “рынок”...

Потом полтора десятка лет работы на краевом государственном радио. Конвейер информационно-аналитических передач, где, помимо чрезвычайно словоохотливых политиков и чиновников от власти, находилось место и для рассказов о людях труда: механизаторах и доярках, врачах и учителях, токарях шестого разряда – “уходящих натурах” – и строителях, место для репортажей с посевных и уборочных полей... Увлёк и новый проект “Радиорегион”, в прямом эфире которого участвовали пять сибирских территорий. В шесть утра ты уже в студии, настраиваешься... Ах! Это было здорово! А помимо этого, я готовил и еженедельные поэтические выпуски, и ежемесячные часовые литературные передачи, в которых поперебывали желанными гостями – чем я горжусь! – многие и многие писатели края. Случалось, звонили после передачи слушатели и говорили: “А мы уже думали, что его (называлось имя поэта или прозаика) в живых нет... Нигде не слышно, не видно...”

Да, крутила, крутила вечными хлопотами журналистика...

Но иногда... Пусть редко, очень редко, но случалось... Мне снилось, что я вернулся в школу. Какая-то предшествующая этому череда нелепостей, недоразумений, случайностей – и вот один и тот же отчётливый сюжет. Я захожу в класс к пятиклассникам, да, именно почему-то к пятиклассникам, только к пятиклассникам... Начинаю урок... И вдруг с ужасом понимаю: я ничего не помню! Не знаю, что говорить. Вообще, как говорить, как вести себя перед этими любопытствующими гражданами с пытливо-озорными глазёнками?... Граждане, мужская их часть, почему-то одеты в школьную форму, которую носили мы в семидесятые: синие курточки с накладными карманами, с шершавыми, алюминиевого цвета пуговицами и погончиками, с эмблемой-книжкой на рукаве, красные пионерские галстуки... Галстуки-то откуда?!

Просыпался встревоженно... Приснится же... И зачем? К чему? Я никому не рассказывал об этих снах. Это была моя тайна. Но она стала явью.

На педагогическом совете школы, состоявшемся в конце августа 2013 года, мы, новички, были представлены коллективу. “Мы” – нет-нет, не подумайте о зародившейся у меня императорской мании величия! Просто рядом со мною была новая учительница английского языка, она же – моя любимая женщина, она же – моя жена.

Школа – трёхэтажное, густо побеленное известью кирпичное здание, расположенное “покоем”, с высоким крыльцом и двускатной крышей, покрытой потемневшим от времени шифером. Вокруг школы – горделивые пирамидальные тополя, основательные задумчивые дубы и раскидистые акации. У нас в Сибири акация – это кустарник, и сколько же в детстве сорвано стручков для быстрого изготовления неприхотливой свистульки! А на юге, куда мы переехали из Барнаула, деревья акации – в пять этажей и выше! Те самые, воспетые в романсе “гроздь душистые”, летом становящиеся стручками зелёного цвета, поздней осенью, первой нашей кубанской осенью, были поначалу приняты мной за донельзя почерневшие шкурки от бананов. Будете смеяться, но, гуляя по скверу, я дивился и даже со всюю силою чалдонскою

негодовал: кто же так постарался намусорить, что за бананоеды такие нена сытно-неряшливые?

В погожую, не знойную пору, когда ветер южный или юго-западный, здешний окраинный воздух буквально пьёшь и не можешь напиться – настолько он вкусен! С южной стороны школьного здания, буквально в ста метрах, не дальше, несёт свои быстрые, мутные воды река Кубань. Истоками реки, как известно, служат ледники Эльбруса, и детство реки по-горски своенравно, громко-гортанно, а выбравшись на равнину, река пусть и успокаивается внешне, но не изменяет своего изгибистого и петлистого характера. Что, впрочем, не отпугивает от неё более четырнадцати тысяч больших и малых притоков. Наоборот, Кубань-река радушно принимает их в свою водную гостиную и ненавязчиво убеждает их продолжить совместное приятное путешествие вплоть до Азовского моря. Как рассказывают книги, посвящённые этой бурной реке, местами Кубань настолько петляет по долине, что путь по руслу становится в два раза дольше, чем расстояние по прямой.

Одно из таких мест и находится прямо напротив школы. Вот он, кажется, совсем рядом – краснодарский микрорайон “Юбилейный”, с главной его улицей, объясняющей название, – 70-летия Октября. Прямоиком – десять минут ходу, не больше, но на самом же деле, если вы решитесь совершить такое прямохождение, то вам надо будет обладать отменными навыками пловца, поскольку на этом пути вам придётся дважды преодолеть совсем не мелкую и не ленивую реку. Впрочем, можно совершить и привал на таком пути и понежиться на песчаном берегу пойменного озера, расположенного внутри здешней речной петли. Между школьной оградой и обрывистым берегом, увы, захламлённым до чрезвычайности, разместились вездесущие гаражи.

Строилась школа, равно как и детский сад, и поликлиника, и стадион, в пору формирования четырёх- и пятиэтажными зданиями посёлка рубероидного завода в западной части Краснодара. Несколько зданий в те же шестидесятые годы прошлого века построены для сотрудников некогда процветавшего Северокавказского НИИ фитопатологии, с 1992 переименованного во Всероссийский НИИ биологической защиты растений. С помощью институтского сайта можно узнать о многочисленных вакансиях. Вот красноречивое приглашение: “Требуется ведущий научный сотрудник лаборатории интегрированной защиты растений. . . Квалификационные требования: учёная степень доктора наук, в исключительных случаях – кандидата наук со стажем научной работы после присвоения учёной степени не менее 5 лет. Зарплата: от 14700 рублей/месяц” . . .

Некогда процветал и рубероидный завод, будучи крупнейшим на юге Советского Союза и скукожившийся в свободной демократической России до небольшого цеха.

А рядомшком, через Елизаветинское шоссе, что устремляется ровной дорогой до Славянска-на-Кубани, а там и до Темрюка, – расположились два десятка пяти-трёхэтажных домов 1-го отделения учебного хозяйства Кубанского аграрного университета. Сие уютное поселение, входящее в состав града Краснодара, называют коротко и понятно: “Учхоз”.

Побродив по окрестностям, вернёмся в школу. Открылась она 1 сентября 1964 года. Потому обращаюсь я к ней панибратски: “Привет, ровесница!”

В школе когда-то обучалось более тысячи человек. На первое же сентября 2013 года списочный состав включает 456 учащихся. Притом, что учатся в ней дети не только с Рубероидного посёлка, официально, впрочем, называемого микрорайоном имени учёного Вавилова, но и из Учхоза, и даже приезжают со станции Елизаветинской.

Занятия, при таком количестве учеников, в одну смену. Внешне всё в школе простенько, незатейливо. Несколько удивила учительская комната. Маленькая, тесненькая, вмещающая всего один стол, два креслица, “видавших виды”, да десяток стульев по периметру. В небольшой нише в стене – ячейка для журналов. Обилие стендов на стенах.

Погожее утро, 2 сентября 2013 года, понедельник. Идём в школу, и я по дороге продолжаю самооправдываться: поговорка “явился – не запылится”, ну, явно не про меня.

В школе один учитель истории, а нужно два. Я узнал об этом ещё в прошлом ноябре, когда мы с женою после переезда на Кубань, решив вопрос с жильём, привели устраивать нашу младшую дочь в ближайшую школу. И тогда же директор Татьяна Александровна, узнав о наших педагогических

дипломах, тотчас предложила, даже стала нас упрашивать, вот так, с ходу, с первого знакомства, пойти в её школу учительствовать. Не хватает, говорила, учителя истории, учителей по русскому языку и литературе, на следующий год появится вакансия учителя английского языка...

Предложила и предложила, и почти забылось об этом, но вот за минувшие девять месяцев кубанского жития созрел до мысли: да, я хочу попробовать свои силы в школе, в роли начинающего, пусть и седовласого учителя.

Да, школа – это вызов. Вызов, прежде всего, самому себе. Да, это желание испытать себя. И, быть может, в этом испытании испытать сильнейшее разочарование... Кто знает...

А то, что школьники (и младшенькие, и старшенькие) – это “рентген”, они “просветят” тебя и вынесут тебе “диагноз” – это точно. Это проверено по первому моему опыту учительства.

Торжественная линейка, всеобщая приподнятость, взволнованность... Первый день, первый урок. Те самые любопытствующие граждане с пытливыми глазёнками – пятые классы, сны в руку.

О Боже, какое это счастье, когда ты понимаешь, ощущаешь, что ты кому-то нужен, кто-то нуждается в твоих знаниях, да просто нуждается в тебе, рад искренне знакомству с тобою! И уже в первые дни осторожно, пугливо приближаются к тебе самые смелые и самые любознательные.

Новый учитель, да ещё к тому же мужчина...

Расспросы осторожные, смех, освобождённый – после моих шуточных ответов (“Не-а! историк не страшный!”).

И всё более смелея, открываясь своими светлыми и чистыми душами, после распросов – уже и рассказы о самих себе... Мы тоже, Сергей Валентинович (попервости был я, как и полагается, и Владимировичем, и Васильевичем...), не льком шиты! А уж история как нам нравится! Так нравится, так нравится... Вы ещё увидите, какие мы молодцы!

Но не успела первая моя рабочая неделя закончиться, не успел познакомиться я с теми, кого буду учить и кто будет учить меня, как был призван на двухнедельные курсы повышения квалификации.

Около семидесяти взрослых женщин (молодёжи, равно как и мужчин – считанные единицы) конспектируют лекцию в большой аудитории института повышения квалификации. Конспектируют старательно – первая пара, ещё не устали. Но уже и ропот начинается.

Тема лекции: “Использование ЭОР, ЦОР, ИКТ в образовательном процессе”. Расшифрую. ЭОР – электронные образовательные ресурсы, ЦОР – цифровые образовательные ресурсы, ИКТ – информационно-коммуникационные технологии.

И когда лектор произносит: “Вы на своих уроках стремитесь, чтобы каждый ученик не выпадал из информационно-образовательной среды и не выпадал у монитора”, – соседки сбоку не выдерживают, шепчут с прицелом в окрестности:

– С луны она упала, что ли?

– Ага! У нас один класс математический компьютеризирован, и всё...

– И хорошо, что всё... – шёпот услышан, одобрительно улыбаются, понимающе перемигиваются, коллеги. Мели, мол, Емеля.

Между тем, лектор – пожилая женщина с пышной причёской, в больших затемнённых очках, кореянка, как выясняется на второй паре, с луны вовсе не падала, а долгие годы провела за границей. В Париже, Брюсселе, Лондоне... работая по линии ЮНЕСКО.

Она искренне удивлена, более того, огорчена тем обстоятельством, что на вопрос: “Читали вы “Постижение истории” Тойнби?” – никто не кивает согласно головой и не говорит: “Да”. Несколько раз на последующих лекциях она продолжает недоумевать и сопереживать Арнольду Джозефу.

Читает, читает лекцию, вдруг остановится и, помолчав, горестно выдыхает:

– Как?! Вы не читали Тойнби?

Ту же участь, замечу, уготовили слушатели курсов и “Столкновению цивилизаций” Самюэля Хантингтона, и “Концу истории” Фрэнсиса Фукуямы. От всей этой фантастики, что каждый ученик “вооружён” на уроках истории, обществознания, кубановедения персональным компьютером, и как будто бы в этом панацея от всех бед, все уже устали.

И лектор тоже устала от всех этих ЦОРов-ЭОРов, чувствует недовольство аудитории – взрослые люди, в основном из станиц, матёрые учителя...

Потому она, как бы между прочим сообщив, что знает восемь иностранных языков, начинает уходить от темы, уходить скромненько и со вкусом:

— Когда я говорила с международных трибун...

И пошло-поехало, как хорошо там, и как... э... нецивилизованно ещё, в известной степени, здесь.

Словом, очень, очень интересная лекторша. Жалко лишь, что часто ошибается в окончаниях слов да известный фразеологизм понимает уж слишком физиологически, и потому произносит: “Скрипя сердцем”.

В последующие лекционные дни также было много занимательного. Стремительная в словах и в движениях кандидатша исторических наук не умолкала ни на минуту, избрав интонацию эстрадной плоской острочки Клары Новиковой, фонтанировала смесью хохм и высоколобых терминов: “умом Россию не испортишь”, “дисфункциональные кризисы этноса”, “с этим надо переспать, в смысле обдумать”, “фишка тут в чём?”, “скоррелировать”, “проканает”, “мегапредметные компетентности”, “дрючат вас, а вы мудрейте”, “сфера высоких абстракций”... Некоторую часть своего непрерывного говорения кандидатша посвятила безудержному восхвалению известной школы Ямбурга, которую окончили такие “властители умов”, как телезвёзды Брилёв и Киселёв, где зарплата 150 тысяч и где ей посчастливилось стажироваться...

В конце своих лекций, “на выхлопе”, она и вовсе огорошила всех дерзким вопросом-связкой: “Дорогие учителя, что вы всё ноете? Кто вас держит в школе?”

Другой лектор, молодой иронист, из тех, про кого говорят: “Со школьной скамьи сразу в профессора”, — но пока, правда, доцент, из клана потомственных кубанских историков, размышлял легковесно:

— То, что надо модернизировать, — это нам всем понятно. Непонятно, каким путём, — и поучал снисходительно, оказывал, так сказать, нам услуги. — В основе, друзья, должен быть системно-деятельностный подход. То есть на уроке учитель должен быть сведён к минимуму, а ученики возведены до максимума в ролевом распределении учебного процесса. И не забывайте, пожалуйста, что, согласно ФГОСу, учитель сейчас не учит, а оказывает услуги.

Кстати, аббревиатура ФГОС (Федеральный государственный образовательный стандарт) звучит чаще всего, и меня это, честно говоря, настораживает. Пришёл вот, собравшись с духом, в школу, а тут какой-то ФГОС и прочие ИОСы, ИУМКи, ЭУКи, УУДы...

Или как вам такая фраза: “Для реализации ФГОС каждое ОУ должно разрабатывать ООП”?

Ещё один лектор напоминал нам, что учитель в свободной от насилия, схем и начётничества России работает в рамках “потребительского права”. Поэтому он не столько “ГАИшник”, сколько и “горничная”, и “официант”, и “бармен”. Вот кто, значит, сейчас учитель...

Завершалось всё формальным зачётом, к которому надо было подготовить модель урока, рабочую программу и КТП (календарно-тематическое планирование). Зачёт сдал, а через три месяца (отчего-то сей документ был не готов) заполучил свидетельство-сертификат. Из него следовало, что прослушал я столько-то часов лекций и практических занятий и, стало быть, повысил свою квалификацию. Лихо. Особенно если учесть, что, как выяснилось в разговоре с завучем сразу после возвращения с курсов, наша школа “по ФГОСу” не работает. И слава Богу!

Самое приятное в самоощущении после этих двух “фгосных” недель — я успел, оказывается, соскучиться по школе. Нагрузка у меня средняя — 25 часов в неделю. Помимо пятых классов, мне “поручены” старшенькие: десятый и одиннадцатый классы.

В десятом классе продолжаются каникулы.

Так они мне и заявили, когда я поинтересовался, отчего у них такой ровнo-беззаботный настрой на учёбу. “А вот в выпускном мы начнём учиться”, — успокоили они меня.

Справедливости ради надо отметить, что несколько учеников во главе со старостой класса, серьёзным, вдумчивым Володей Ч., испытывают неловкость от такого исповедования эвдемонизма. А ещё мне помогает то, что Никита Д. — признанный лидер в классе, спортсмен, занимается русским рукопашным боем — любит историю, а особенно любит подискутировать о её “белых пятнах”,

потому никаких проблем с дисциплиной на уроках нет. Ну, просто из двадцати пяти человек примерно двадцать благодушно-ленивы.

Одиннадцатый класс так же, как и десятый, в школе один. Тут всего девятнадцать человек. Из них пять собираются сдавать ЕГЭ по истории, восемь – по обществознанию. У них поэтому особенное внимание к моей скромной персоне.

– Вы нас только не бросайте. А то у нас три историка за три года сменилось.

Наличествуют в классе и фаталисты. Их воззрения высказал староста класса Вадик:

– Короче, один мой знакомый конкретно готовился по “общаге” (таково прозвище предмета “обществознание”. – **С. Б.**), а получил на ЕГЭ 60 баллов. А другой кореш вообще не готовился, прикиньте?! И всё ништяк! Столько же набрал.

Зато у многих репетиторы, некоторые любят, этак между прочим, сообщить, что посещают курсы при университетах. Сообщают, не без тайной опять же гордости, и сколько платят за посещение...

Забегая вперёд, скажу, что из девятнадцати одиннадцатиклассников поступили в ВУЗы семнадцать. Практически все на платные отделения.

А что, любопытствуя, спросите, оставшиеся двое? Одна девочка не сдала обществознание, а Паша Л. учился на свой страх и риск, то есть без родительской помощи. Над Пашей по этому поводу любили подтрунивать. А он был уверен, что поступит.

Высокий, нескладный, уж слишком какой-то долговязый, он, тем не менее, обладал замечательной реакцией. И не только в физическом плане.

На одном из уроков истории рассказывает Паша о развитии буржуазных отношений в России в начале XX века. Вяло так отвечает, если и заглядывал в учебник, то, скорее всего, уже на уроке, голос всё тише, тише...

Но улавливаю, что Паша, среди этого своего бормотания, пару раз произносит: “Боржозия”.

Прошу повторить. Повторяет: “Боржозия”.

– Так что это слово означает? – спрашиваю.

И тут же молниеносный ответ:

– Борзеть. Оборзевшие это, короче. Типа, беспредельщики.

Редкий персонаж для 10 класса Саня Т. – готов отвечать на все вопросы и без раздумий. Руку не опускает.

– Итак, дадим характеристику кулачеству. Кто же такие кулаки?

– Козлы это! Моему дедушке его дедушка говорил. А мой дедушка мне.

Такая вот фамильная память. И тот же Саня выступил на одном из уроков в роли утописта. Спрашиваю у класса:

– Кто осуществляет исполнительную власть в Российской Федерации?

– Рабочие! Нет? Ну, тогда крестьяне!

Семьдесят семь. Именно такое количество учебников по истории России включено, оказывается, в Федеральный перечень учебников, рекомендованных для использования в школах на 2013–2014 учебный год.

Узнав об этом перед поступлением на работу, я задумался. Не мало ли? А почему бы не вдохновиться и не довести до сотни, например?

“Сотня историй России”. Звучит! Как раз для Первого канала. Потом народное смс-голосование можно провести, какая “история” лучше... Нет, какая комфортнее...

Между тем, именно в 2013 году, в феврале месяце, президент Владимир Путин заявил, что нужно разработать единые учебники истории России для средней школы, которые “будут написаны хорошо русским языком и будут лишены внутренних противоречий и двойных толкований”.

Я работал в ту пору в одном издательском доме сельскохозяйственной направленности, писал статьи, редактировал сразу три журнала, но, как и многие, наверное, внимательно следил за развитием событий после такого разумного президентского предложения.

Из Министерства образования тотчас сообщили, что преподавать историю по-новому начнут уже 1 сентября 2013 года, хотя учебник готов не будет. Для любого трезвомыслящего человека подобное заявление звучит как анекдот. Или как издевательство над здравым смыслом. Но ведь это же то самое

“крапивное семя”... А негласный устав чиновничьей службы прост и конкретен: главное – отрапортовать и заверить.

В мае месяце того же 2013-го заместитель директора Института российской истории РАН Сергей Журавлёв заявлял, что уже ведётся работа по переподготовке преподавателей на основе нового историко-культурного стандарта, но пока трудно сказать, насколько быстро новые учебники будут внедрены в систему обучения. Предполагалось, что первые варианты текстов учебников подготовят к осени.

Спустя три месяца, в августе группа российских учёных, проанализировав концепцию единого учебника истории, подготовленного Министерством образования и науки РФ, предложила разработать альтернативный вариант учебного пособия.

Вожаком этой группы – депутат Государственной Думы Владимир Бурматов – констатировал, что Министерство образования провалило исполнение поручения главы государства. По словам депутата, у представленного министерством документа нет авторов, а кроме того, он “в буквальном смысле списан с источников очень сомнительного содержания, вроде сайтов рефератов для школьников и шпаргалок по истории”.

“Такой подход к источникам не мог не сказаться на качестве текста документа, который содержит более 200 ошибок, неточностей в формулировках и датах, что вызвало резкую критику научно-педагогической общественности”, – сообщал парламентарий. Некоторые дотошные журналисты попытались узнать, что думают по поводу этих обвинений в министерстве образования и науки Российской Федерации, но тамошние чиновники отказались комментировать не только альтернативную концепцию единого учебника, но и решительно открестились от своей концепции.

И как-то всё затихло. Так прошёл год.

И вот 27 августа 2014 года на пресс-конференции тогдашний министр образования Дмитрий Ливанов сообщил, что Министерство образования и науки отказалось от идеи ввести в школах РФ единый учебник по истории.

– У нас единого учебника истории, скорее всего, не будет. У нас будет единый историко-культурный стандарт, на основе которого будут разработаны учебники истории. А ещё министр добавил, что все написанные учебники будут проходить общественную и профессиональную экспертизу.

И на том, как говорится, спасибо.

После курсов ФГОС, ближе к концу сентября мне удалось, наконец-то, составить общую картину с учебниками по истории у моих учеников. В подавляющем большинстве своём, процентов, этак, на 95, это были в одиннадцатом классе – учебник Л. Н. Алексашкиной, А. А. Данилова, Л. Г. Косулиной; в десятом – учебник М. Ю. Брандта, А. А. Данилова и Л. Г. Косулиной; в пятом классе – учебник Древнего мира авторов А. А. Вигасина, Г. И. Годера, И. С. Свенцицкой; в девятом классе, где мне также довелось преподавать историю, был учебник-монополист, его авторы: А. А. Данилов, Л. Г. Косулина, М. Ю. Брандт.

На следующий год мои пятиклассники, ставшие шестиклассниками, были вооружены следующими учебниками: А. А. Данилов “История. Россия с древнейших времён до конца 16-го века”. А. А. Данилов, Л. Г. Косулина “История России. С древнейших времён до конца 16-го века”.

Вдобавок у пары-тройки учащихся был учебник такой:

Д. Д. Данилов, А. А. Данилов, В. А. Клоков, С. В. Тырин “История России. С древнейших времён до конца 16-го века”.

А ещё на второй мой учительский год достался мне брошенный и ставший для меня любимым 7б. Я стал классным руководителем и, разумеется, вёл в 7б историю, обществознание и кубановедение.

Так вот. Выбор учебников по истории России для 7-го класса состоял, вы только не смейтесь, из двух вариантов. Первый: А. А. Данилов, Л. Г. Косулина “История России. Конец 16-18 век”. И второй: А. А. Данилов “История. Россия в 17-18 веках”.

Не сдержал своего любопытства – поинтересовался обладателем самой популярной среди авторов учебников фамилии.

Итак, Данилов Александр Анатольевич родился 19 августа 1954 года в Хабаровске, окончил местный педагогический институт, затем – аспирантуру Московского государственного педагогического института. Кандидатскую диссертацию защитил в 1985 году по теме: “Комсомол – активный помощник

КПСС в воспитании рабочей молодёжи в ходе социалистического соревнования 1966-1980 гг.” Через четыре года Александр Анатольевич стал доктором исторических наук там же, в Московском государственном педагогическом институте, защитившись и оставшись верным теме заботы о рабочей молодёжи: “Партийное руководство развитием творческой активности работающей молодёжи. 1970-1980 гг.”

Правда, в середине 90-х годов в сфере научных интересов Александра Анатольевича главенствующей стала проблема инакомыслия в СССР. Без всяких там возрастных ограничений и отношения к трудовой повинности в условиях тоталитаризма.

Узнал я и о титанической деятельности Данилова, его феноменальной работоспособности. Посты, которые он занимает или занимал, регалии и прочие чиновничьи достоинства займут, если их начать перечислять, пару-тройку страниц машинописного текста, не меньше. Александр Анатольевич активен, мобилен, всеведущ и вседесущ.

Вот он на упомянутом совещании по поводу единого учебника истории охотно рассказывает о своем видении нового учебного пособия. А видится учёному, что объём учебника должен быть минимальным.

– Нужно переходить от “учебников-просветителей” к “учебникам-навигаторам”, – авторитетно заявляет Данилов и приводит в пример один из своих учебников истории для 9 класса, в котором весь объём материала одного урока умещается на... одной странице.

А от “учебника-навигатора” можно и к “учебнику-комиксу” перейти... Я добросовестно прочитал даниловские учебники...

Подчёркивал ляпы, фактические ошибки. Их до неприличия много. Удручает и вызывает зевоту трафаретно-телеграфный стиль изложения, полное отсутствие эмоций. А без эмоций, вызывающих сопереживание, историей как школьным предметом не увлечёшь.

Простое изложение фактов? За этот подход изучения истории, кстати, ратуют многие учителя, в основном, как ни странно, молодого поколения. Учитель, заявляют они, должен дистанцироваться от того, что преподаёт. Должен преподносить ученикам только факты, а не готовые интерпретации. Только так можно быть максимально беспристрастным.

На что я опираюсь, как учитель? На свои знания. И, что, на мой взгляд, **более чем важно, на свои убеждения. Ведь без убеждений нет личности, есть лишь биомасса.** Максимально беспристрастная.

Эмоциональная логика, изложенная желательным ясным, чистым русским языком – вот что мне нужно, чтобы учебник стал для меня помощником и союзником. К слову, проблематично у Данилова и с логикой – наукой, незаслуженно забытой, в основе которой лежат причинно-следственные связи, то есть, используя модное слово, адекватное восприятие мира. Приведу характерный пример логики “по Данилову” из советского периода. Учебник для 11-го класса. Издательство “Просвещение”, 2012 год. Страница 331:

“Не способствовали прочности советских семей и материальные условия жизни (отсутствие нормальных жилищных условий, достаточной заработной платы, необходимого ассортимента товаров и услуг в системе торговли и бытового обслуживания, элементарной бытовой техники и т. п.). В результате всего за неполных двадцать лет число разводов на каждую тысячу браков выросло втрое (в 1963 году один развод приходился на девять браков, а в 1981 г. – на три)”.

Исходя из столь прихотливой фразы, получается, что до 1963 года в СССР материальные условия жизни были в разы лучше? И от той же “элементарной бытовой техники” деваться некуда было? Так, что ли?

Этот пример, подчёркиваю, характерный.

Вообще, советскому периоду, понятное дело, достаётся от автора учебника (прежде восхвалявшего “партийное руководство”) пуще всего. Семьдесят лет безнадёги и беспросветности получается.

А как, спросите, с освещением периода Великой Отечественной войны? А так, сквозь зубы, с плохом скрываеваемой досадой: “Да как же эти дикари смогли выстоять?”

А ещё удивляет запредельная какая-то толерантность.

Вот лишь один пример. Учебник для 11-го класса. 38 параграф: “Человек на войне”. В первом пункте параграфа “Герои фронта” названы, через запятую, советские маршалы (лимит, видимо, выделен на трёх человек):

К. Г. Жуков, И. С. Конев, К. К. Рокоссовский, а также союзнические генералы: Б. Г. Монтгомери (Англия), Д. Д. Эйзенхауэр (США), Ш. де Голль (Франция).

А в следующем абзаце читаем написанное с пиететом: *“Известными военными деятелями стран Тройственного акта, показавшими на полях сражений новые приёмы ведения войны, зарекомендовали себя генералы Э. Роммель, Х. Гудериан, Э. Манштейн (Германия), адмирал Ямомото (Япония)”*.

В следующем 24-строчном абзаце уместилось всё и вся о советских героях: Александре Матросове, Николае Гастелло, Викторе Талалихине, 28-ми героях-панфиловцах, Алексее Маресьеве, Александре Маринеско и Александре Покрышкине.

Но тут же следом, с особой торжественностью: *“Свои герои были и в армиях агрессоров. Немецкий ас Э. Хартман, названный германской пропагандой “лучшим асом” Второй мировой войны, совершил в общей сложности 1800 боевых вылетов (в 2,5 раза больше, чем вся эскадрилья “Нормандия-Неман”), принимал участие в 825 воздушных боях, сбил 352 самолёта...”*

Браво! Высший пилотаж! Одним махом развенчиваются французские лётчики – “лентяи”. Это – раз. А во-вторых, склонные к различным сравнениям, “индексам эффективности”, нынешние молодые и практичные исследователи могут тотчас на своих телефонных калькуляторах посчитать и прийти к выводу, что по сравнению с Покрышкиным Хартман действительно “лучший ас”...

В 8а на уроке кубановедения “уболтали” меня, добры молодцы, поговорить на “свободную тему”. Последний урок в четверти, святое дело.

– Скажите, какой танк в войну был самый лучший?

– По мнению специалистов-историков, наш Т-34.

– Ага! Как бы не так!

И тут начал Иван познания свои демонстрировать. Чувствуется, что читает много о танках, увлечён самозабвенно, как и может быть увлечён мальчишка этой темой. Заспорили мы о технических характеристиках наших и “ненаших” танков.

– Стыдно, – говорю им, – эрудиты танковые, вам должно быть. Стыдно! Не знать, кто такой Дмитрий Фёдорович Лавриненко! Тем более, он наш земляк.

И рассказал им, что знал об уроженце станицы Бесстрашной, Герое Советского Союза, погибшем в декабре 1941 года в битве под Москвой. 28 кровопролитных боёв, лоб в лоб. Трижды танк горел. Ремонтировали – и снова в бой. Тяжелеее время отступлений. Экипаж Лавриненко за два с половиной месяца боёв подбил 52 вражеских танка!

– А это, – говорю, – позволяет назвать Дмитрия Фёдоровича самым результативным танкистом Второй мировой войны. Но, разумеется, Данилов об этом не пишет.

Так что, возвращаясь к толерантности в освещении Великой войны и Великой победы, это не придирки мелочные, не выискивание блох.

Всё гораздо серьёзнее.

В целом учебники Данилова какие-то... шпаргалочные.

Привить же интерес к любой науке, в том числе и к истории, жанр шпаргалок не может априори. Зато подготовиться к ЕГЭшной “угадайке” вполне даже можно по таким вот “учебным пособиям”.

Однако всё познаётся в сравнении. Так вот, по степени антисоветизма и русофобии, что, впрочем, одно и то же, учебники Данилова всё же более умеренны, если их сравнивать, например, с учебниками Левандовского или Сороко-Цюпы.

Урок кубановедения – раз в неделю. 34 урока в год. Среда у меня “кубанский” день. Так как из шести уроков пять – кубановедения.

Учебники по кубановедению написаны живо, с твёрдых таких, принципиальных буржуазных позиций.

Вот, например, чуть ли не плача от восторга, автор учебника для восьмого класса рассказывает, что герой Кубани, один из основателей Екатеринодара, казачий старшина Антон Головатый – цитирую: *“...пригнал в кубанские степи из Приднестровья 15 тысяч лично ему принадлежащих лошадей, 25 тысяч голов крупного рогатого скота, 500 тысяч овец...”*

Ну, скажите, разве же такой человечище, полководец полумиллионного овечьего войска, не достоин уважения и водружения в бронзе на постамент?

Знания учеников по кубановедению (“кубашка” – так они называют предмет), за редким исключением, – нулевые. При этом узнал, мне же надо это знать, что “тройка” по кубановедению – явление, опять же, исключительно редкое. Сплошные “пятерки” и не такие частые “четверки”. Удивление высказал, при случае, директору и услышал от неё:

– Понимаете, Сергей Валентинович, существует негласная установка... И вообще, вам, наверное, известно, что если успеваемость низкая – школа недополучает финансирование... Рейтинг школы падает... Так что, сами понимаете...

Я обязал носить на уроки учебники и, уж извините, говорю, но все должны приобрести рабочие тетради. А ещё будем готовить, – писать, да писать! – ручками своими изнеженными доклады. Никаких тупых скачиваний из интернета!

Помогло, не помогло, но стали, по крайней мере, пусть не стыдиться, но и не бахвалиться тем, что не знают, кто такие Покрышкин и Бершанская и где, например, находится монумент воинам – освободителям Краснодара от фашистов. А какая дискуссия возникла в мае накануне нашего святого праздника в десятом классе после доклада Сергея П.!

Доклад был посвящён героизму и предательству в годы Великой Отечественной войны.

Почему именно в Краснодаре состоялся первый процесс над коллаборационистами (так сейчас именуют в учебниках предателей)? И почему именно в Краснодаре фашисты впервые использовали “душегубки” – семитонные крытые грузовики с дизельным двигателем? Спорили до хрипоты о предательстве и предателях, и сколько бы сейчас оказалось таковых, начнись, не дай Бог, война... Говорили, размышляли о подмене смыслов, о Красном Знамени, как символе Победы, о Георгиевской ленточке...

Как зорки они, дети, начинающие думать, мыслить...

И ворохнётся, уверен, в их чистых ещё сердцах и боль, и гордость, и ответственность, когда окажутся они на неприметной краснодарской улочке имени братьев Игнатовых. И не будут пожимать плечами в неведении, что это за улицы такие: имени Передерии или Доватора? Да, таких мгновений мало, очень мало в рутине уроков, но именно они, эти моменты истины, позволяют верить, что не всё ещё потеряно...

Задушевный, откровенный разговор учителя с учеником очень важен и очень редок. Это и оселок для тебя, и показатель доверия к тебе.

И выйти на такой разговор – труд великий, ответственность большая. Потому и редки очень такие разговоры. А кто-то и вовсе без них обходится, считает их вредными, ненужными. И оспаривать такую точку зрения я не решаюсь.

В дождливо-серый декабрьский полдень одиннадцатиклассник Петя З., безукоризненно воспитанный молодой человек и умница, из редкой породы “читающих”, подаёт мне тетрадный, в клеточку, лист. Всё это после уроков, без свидетелей. На листе выписано убористым Петиним почерком несколько афоризмов: “История – служанка идеологии”. “История – ремесло. Но ремесло собачье: или хвостом вилять, или лаять”. “История пишется сейчас. Завтра – уточняется. Потом – исправляется. Попутно разоблачаются “фальсификаторы”.

Прочитайте, говорит. И следит за моей реакцией.

Прочитал, поднимаю глаза.

Пётр смотрит необычно для себя: насупленно и требовательно.

Что я могу ответить? Но понимаю, что отвечать надо.

– Знаешь, я тоже могу, навскидку, привести несколько блестящих фраз, оценивающих историю как науку вершинную и самую нужную людям. Самую искреннюю науку. Да-да! И самую беззащитную. Но тебе ведь это не нужно сейчас. Так? Именно сейчас.

Я замолчал. Наверное, думаю, на этом и всё. Но, вспомнив наши осенние разговоры, договариваю:

– В одном ты не можешь со мной не согласиться. **Изучение истории заставляет мыслить, думать, анализировать, сравнивать.**

В самом начале октября Петру исполнилось восемнадцать лет, первому в одиннадцатом классе, и через пару недель он стал приезжать в школу, аккуратно паркуясь, на “Фольксвагене”. Отец у Пети преуспевающий юрист – машина подарок сыну на совершеннолетие. И никаких, даже мало-мальских изменений в поведении. Так же корректен, обходителен, много читает, тренер

спортивной секции уже доверяет Петру проводить занятия по тэквондо с младшей группой. Я уверен, что Пётр поступит, куда и хочет поступить, — на юридический.

Тогда же, в октябре задал Пётр мне вопрос из разряда “в лоб”: а зачем всё же “тирану и кровопийце” Сталину были нужны образованные люди?

Долго мы тогда проговорили...

Помню, в мае 1991-го выпытывали меня старшеклассники, из тех немногих, что любопытства ради заглядывали на многочисленных тогда митинги, за кого я пойду голосовать на президентских выборах?

Отвечал: “За Рыжкова Николая Ивановича, — и после паузы, досказывал. — Но сердцем голосую за Валентина Григорьевича Распутина, помните, рассказывал вам про такого писателя? На днях он по телевидению выступал. Призывал голосовать за Рыжкова. И знаете, мудрые слова говорил: смотрите на лица кандидатов, на лица отображена суть человеческая...”

И тогда, в начале девяностых, и спустя четверть века в подавляющем своём большинстве школьная молодёжь аполитична. Опять же я делюсь этим выводом, пусть и не оригинальным, но основанным на наблюдениях собственных. И ничего в этой аполитичности удивительного, ничего противоестественного не нахожу.

Какая-то неопознанная закономерность: обязательно есть школьники, интересующиеся политикой, но их очень мало. А среди “интересующихся” тоже тенденция, причём явная, прослеживается. Обязательно встретится юный гражданин, начинающий карьеру политика, уже вступивший в организацию молодёжную, как правило, пропрезидентскую, проправительственную. И на другом фланге, тоже в обязательном порядке, — начинающий диссидент, которого привлекает уже одно то, что “мы не как все, и только мы знаем правду и путь к ней...”

Зайдёт речь о политике, о событиях на Украине, на Донбассе — все ожижутся. Начинают делиться тем, кто что вычитал, высмотрел в пабликах. Кто-то из девчонок что-нибудь скажет — заухмыляются парни, ага, вот “сморозила так сморозила...” Девчонки начинают обижаться... Градус спора — повышаться...

Впору учителю вмешиваться и пытаться к истории привязать. Например: а знаете ли вы, спрашиваю, откуда произошло это выражение “сморозить глупость”? Или, пользуясь случаем, можно узнать, какие политические партии в России им известны? Называют (с разной интонацией) “Единую Россию”, “Жирика”-ЛДПР, коммунистов совсем уж мало кто вспомнит... Ну, а напоследок кто-то возьмёт, да и скажет: “А! Вспомнил! Есть ещё... зелёное яблоко!”

Все разговоры “за политику” у школьников крутятся вокруг понятия “справедливость”. И мало кто выскажется в таком духе, что, мол, всё у нас в государстве справедливо, всё по закону... Наоборот, иной раз в своих размышлениях доходят они, максималисты, до крайностей. А что остаётся молодому человеку, вышагивающему за порог школы?

А вот жажда справедливости неутолима по-прежнему для русского человека.

... Это случилось в конце ноября, 27-го, когда зарядили, чуть раньше обычного, холодные, безучастные дожди — так на Кубани начинается зима. А ты ждёшь, месяц уже ждётся снега, он вспоминается тебе тёплым, искрящимся, лёгким... “Выпал снег и всё забылось, // Чем душа была полна! // Сердце прощю вдруг забилось, // Словно выпил я вина...” Он снится тебе, родимый снег...

... В 8а классе в “кубанский день” разрезвились на уроке, да на последней парте, два паренька. Случилось у них такое игривое настроение, с кем не бывает? И паренки-то, хорошие. Максим — спортсмен, красавчик, девчонки вокруг него хороводы кружат, а Герман, Гера, с первого урока мне запомнились. Что-то я, желая понравиться, не скрою, про любимый баскетбол (после футбола и хоккея, конечно) задвинул интересное, а высокий, худенький мальчишка с тонкими чертами лица востепенулся, поддержал тему, оказалось, — знаток! Ни одного матча “Локомотива-Кубань” в “Баскет-Холле” не пропускает, словом, свой человек! Хотя к баскетболу у него любовь больше теоретическая, а занимается он боулингом. Серьёзно так занимается, входит в юношескую сборную края по этому виду спорта.

Сделал я им замечание — замолчали на минутку, и снова веселие. Второй раз одёргиваю — тот же результат. В третий раз вместо замечания поднимаю Геру, задаю вопрос, и можно было бы слушать его с места, так чаще всего я и делаю, но “клинануло”:

– Прошу! К доске!

Вижу, что ему этого делать совсем не хочется, от учебника, то есть, уходить.

– Да, ладно, я с места... – и тон такой... развязный... вызывающий.

Вышел всё же, за эти пятнадцать шагов продемонстрировав (или мне показалось?), что сим он делает мне одолжение величайшее, словом, на публику работает Гера по полной. Да ещё и обозначилась у него ухмылочка (или, опять же, мне привиделось?), неприятная такая...

Тут уж я не выдержал. Стал говорить: вы в армию не ходите, иначе там вас с такой вот улыбочкой и походочкой, “как в море лодочкой”, сразу “очко” в туалете зубной щёткой чистить отправят до полной победы, то бишь демобилизации...

Отправил его обратно на место, а Гера в дверь напрямиком – на выход...

Вечером тоскливым, в очередной раз возвращаясь к своей глупости, думаю, что я на месте Геры в такой ситуации так же поступил бы, а может, и не сдержался бы. Всё можно выдержать и остаться человеком, кроме унижения.

Урок истории в 11 классе.

– Кто такой вермахт? – слегка “туманю” Диму Ш.

– Это... генерал...

– Чей?

– ...Французский... Нет! Немецкий!..

Старшеклассники знают генерала Власова. Охотно рассуждают о нём, некоторые пытаются оправдать: он же за русских был, хотел нас от коммуны спасти...

Зато на вопрос, а кто такой генерал Карбышев? – молчание.

Герой Советского Союза майор Гаврилов (в центре Краснодара есть улица его имени, мемориальная доска на доме, где он жил, установлена, остановка “Гаврилова” – пересадочная) – также никому не известен...

На четвёртом уроке я наблюдал за выполнением КДР (краевой диагностической работы) в 10 классе по... математике.

Учителя-гуманитарии приглашаются завучем в качестве контролёров, ну, и чтобы ничего не смогли подсказать. И то верно: вчитывался я в учебник по алгебре, вчитывался...

Задания же встречаются весьма интересные. Так сказать, на перспективу.

Например: “Один литр бензина стоит 80 рублей. После повышения цен бензин стал стоить 92 рубля. На сколько процентов повысилась цена бензина?” День казался мне бесконечным...

В Первомайский праздник (День весны и труда) нам предлагают размяться, собираемся мы на Театральной площади и ждём, и топчемся, и выстраиваемся во что-то наподобие колонны, дабы идти организованным порядком по улице Красной до Пушкинской площади...

...Неодушевлённо шагающая подневольная толпа. Растрёпанный, неровный говор. Флаги-знамёна учителям и прочим “представителям общественности” не доверяют. По традиции, ещё советской, это дело молодых, мускулистых студентов. Они там – впереди колонны, которая растягивается по главной узенькой улочке Краснодара с тем, чтобы оказаться на Пушкинской площади и прослушать там прасельные речи ораторов от власти, песни о Родине, посмотреть пляски и танцы...

Позже СМИ, со ссылкой на правоохранительные органы, сообщают, что в шествии (демонстрации, митинге) приняло участие столько-то тысяч человек (в Краснодаре принято стартовать в таких отчётах от 10-ти тысяч).

В начале февраля 2014-го мы с женой были “представителями общественности” на встрече-зажигании олимпийского огня на Театральной площади.

Тут было шумно и весело. Исполнялся хип-хоп под аранжировку советских песен. Звучал патриотический рэп. Вертунчик-балаболчик (из когорты расплодившихся диджеев) неумолчно насиловал микрофон на сцене: “Скажем – да! Но не так, как в загсе! Мужики, давайте посвистим! Девушки, дайте повизжим!” Сюда, на это свистяще-визжащее действо, в отличие от митингов, молодой народ шёл охотно. И едва дело не дошло до паники, когда началась давка при одном-единственном входе на площадь со стороны улицы Красной.

А перед походом на очередную первомайскую подневольную демонстрацию делегаты-представители нашей школы участвуют с некоторыми пор и ещё в одном мероприятии.

Дело в том, что 13 апреля 2013 года в Краснодаре по адресу: “Улица имени Михаила Ивановича Калинина, 100”, – был открыт памятник... белому генералу Лавру Георгиевичу Корнилову.

Власти города выделили на предполагаемом месте гибели белого генерала полугектарное земельное угодье, скульпторы изваяли памятник, и из года в год этот мемориальный участок обрастает новыми деталями. Неутомимые скульпторы поместили рядом с трёхметровым бронзовым памятником три осёдланных лошади, но без седоков. Их, вероятно, убили красные. В двух метрах от памятника – высокий металлический забор. Забор и закрывает, и разделяет частный прибрежный сектор, чтобы, значит, тот не портил картинку для телекамер своей неказистой обыденностью: печные трубы над потемневшими шиферными крышами скромных домов, хозяйственные сараюшки, туалеты – в домах здешних нет воды и газа.

К очередным корниловским поминовениям на заборе появилось, с использованием современных фотосеток, безбрежное русское поле с берёзками. Соорудили сторожевую казачью вышку, разумеется, не обошлось и без плетней и коновязей. Поставили, наконец, и беленький домик, почти игрушечных размеров, из стандартного набора устройств подобных мемориальных комплексов, проходящего, видимо, в этом наборе под названием “мазанка крестьян юга России”... В такой примерно домик, по мнению авторов мемориала, и попал роковой снаряд, сразивший белого полководца, штурмовавшего красных Екатеринодар и не бравшего пленных...

Наша школа – самая ближняя к мемориалу, и потому рождается новый приказ. На этот раз его начало звучит несколько иначе:

“Во исполнение поручения главы администрации Прикубанского округа о проведении торжественного мероприятия, посвящённого 97-й годовщине гибели главнокомандующего Добровольческой армии Л. Г. Корнилова, приказываю...”

И тут не выдерживают нервы у учительницы русского языка и литературы. Узнав, что она в списке обязанных “почтить память”, категорически заявляет на перемене в учительской:

– Корниловцы моего деда убили! Простого русского человека! Он тоже был добровольцем! Добровольно вступил в отряд рабочих! И убили его за то, что он защищал родной город, защищал свою семью, моего отца, которому тогда было три годика. А я, значит, должна идти и “почтить память”! Да увольняйте меня, режьте, но я память своего деда не предам!

Переполошилась директор:

– Хорошо, хорошо, я не знала, заменим вас, уважаемая... только не кричите...

В Краснодаре, в городском саду, вообще-то есть редкий по точности выражения идеи мемориал жертвам братоубийственной гражданской войны в России. На семиметровой высоте возвышаются две полуарки. Под ними – гранитная плита, а на ней символы “белых” и “красных”: будёновка и папаха. Называется мемориал “Примирение и согласие”. А служит ли примирению и согласию корниловский мемориал?..

... Стихло в учительской. Остался только запах валерианки.

И вдруг меня пронзило: как всё близко-то! как всё рядышком! Вот оно, дыхание истории... И её, истории, запах...

Как-то Ира С., собирающаяся поступать на журфак, милая барышня с оборотистой улыбкой, мне заявила:

– Извините, Сергей Валентинович, но первый урок – не моя фишка.

Ира С. – девушка осторожная, присматривалась ко мне и лишь по весне, после одного нашего хорошего внеурочного разговора “за жизнь”, в котором главной темой была журналистика, призналась, что она пишет рассказы и хочет, чтобы я почитал их.

Два рассказа, которые она принесла распечатанными редко встречающимся “ариалом” и жестоким для глаз девятым кеглем, мне понравились. Искренние, наивные рассказы-впечатления от поездки минувшим летом со старшей сестрой в Париж.

Поинтересовался осторожно, после высказанного мнения, во-первых, читала ли она роман Виктора Лихоносова “Наш маленький Париж”:

– Нет, не читала. Я вообще, как бы, русскую литературу не читаю. Что читаю? Новинки. Дэйв Эгерс, Гиллиан Флинн, Джоджо Мойес...

А во-вторых, спросил у Иры о литературных студиях: не желает ли она походить куда-нибудь, пообщаться, поспорить там, поучиться...

Ответила также с некоторым удивлением, но определённо:

— Зачем? Мне это не нужно.

Вообще, увидеть школьника с книгой, подчёркиваю, с книгой, а не учебником — это так же редко сейчас, как увидеть синюю птицу. Хотя мои опросы старшеклассников выявили, что, помимо школьной программы, кто-то читал распиаренного Чака Паланика, кто-то — Ремарка, Брэдбери, из наших классиков называли Пушкина, Достоевского и Гоголя.

Среди парней есть поклонники движения “околофутбола”, это такое своеобразное эстетическое обоснование хулиганства футбольных фанатов. Но их агрессия мне кажется напускной, и глаза выдают их добрый характер. Просто им, “околофутболистам”, нравится быть единым целым на трибуне, болеть неистово за “Кубань”, распевать проникновенно “Катюшу” и инфернально проходиться по другой краснодарской футбольной команде.

Однажды февральским утром, на первом уроке, предварительно “раскрутив” меня на мнение о событиях в Киеве и, дабы самим проснуться, перекинувшись на интересующую многих тему национализма, спросили, показав свои познания, как я отношусь к цифре 14/88?

Староста Вадик, поклонник фатализма по отношению к ЕГЭ, уполномоченный, как я понял, задать этот вопрос, смотрел выжидательно, и весь класс, даже пофигисты Мишка с Коляном, встрепенулся: “редкие минуты сосредоточенного внимания” наступили.

— Эта теория, увы, возникла не из воздуха, — ответил я.

А потом рассказал им про свою службу в армии в середине восьмидесятых. Про то, как в нашей, одного призыва, роте выясняли отношения в первые месяцы службы представители многих наций, входящих в “братскую семью советских народов”. Выясняли порою с помощью ремней и табуреток. А выяснив, хорошо, что без значительных потерь, стали обычной стройбатовской ротой, где трус или негодяй национальной принадлежности не имеет. И если случался по нашей вине “косяк”, и шли мы, проштрафившиеся, на авральные ночные работы, то разгружали машину с бетоном, очень сноровисто разгружали, потому как бетон имеет обыкновение очень быстро схватываться на тридцатиградусном морозе, и тбилисский мажор Эдик Почхуа, и дагестанцы братья Дадашевы, и русский студент Серёга, и немец Колька Эртман, и казах из посёлка под Чимкентом Олжас Нурпеисов...

После этого рассказа “околофутболист” Андрей В., всегда заряженный вниманием на моих уроках, с авторитетными дружинисто-вальяжными движениями резюмировал:

— Всё равно они оструели. А ножки точатся.

Эту фразу про ножки Андрей произносит часто, и я понимаю, что это, по большому счёту, понты, если выражаться, как они. Но что поделаешь: положение авторитетного человека, любящего покрутить во рту половинку британского лезвия, обязывает.

Староста Вадик итожит:

— Только белый чел может спасти мир. Ну, ту же, типа, Америку...

Как-то заговорили, заспорили в 10 классе на тему: свастика на заборах — это баловство или опасность для общества?

Говорят мне шестнадцатилетние граждане: смотря какая свастика. Колорват, например, — это что, фашизм?

В многонациональном Краснодаре, раскрою страшную тайну, школы тоже многонациональные (это такая учительская ирония, которую никогда нельзя зачехлять).

За все школы я, конечно же, отвечать не могу, но в нашей, рабоче-крестьянской, так её называет одна из учительниц, каких-либо недоразумений, как любят выражаться политики, на национальной почве не наблюдается. Разве что совсем младшенькие иной раз перенесут из домашних кухонь некоторые подслушанные резкости и озвучат их в пылу публичной схватки.

А когда взрослеют, срабатывает, видимо, какой-то инстинкт, и грубые прозвища из лексикона учеников исчезают. Почти исчезают...

Правда, на их место заступает мат. Густейше в иную перемену (ну, например, после напряжённого урока — потому как нужна, понимаешь, школярам разрядка!) заволакивающий школьные коридоры.

Хотя грешат этим пороком все нации и народности, но матерная речь проносится исключительно на “великом и могучем”. Негодную, цитирую, грешник, Библию: “Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека”.

Всё бесполезно. Возникает потому сакральный русский вопрос: “Кто виноват?”

И тут я не могу не поделиться одним разочарованием. Конечно, в основе этого разочарования – не просто субъективное, но архисубъективное мнение. Но я его выскажу, рискуя навлечь столь понятный и объяснимый гнев. Словом, в последнее время мне встречается всё больше и больше матерящихся... женщин. И, что называется, в возрасте, и совсем юных. Вот молодая мамаша везёт детскую коляску и такое “заворачивает”, такое... разговаривая по телефону. “Заворачивает” тоном самым естественным, самым обыденным. Вот в маршрутке в ограниченном пространстве уже не по телефону в мирно-обыденном, но по-южному громко-эмоциональном диалоге женщины из категории 40+ делятся впечатлениями... Уж лучше бы не делились...

Светлые дни запомнились особо. Как и запоминается всё светлое и доброе...

В понедельник 17 марта 2014 года и погода радовалась.

Распахнутое, солнечное утро.

И первый урок истории в одиннадцатом классе начинается у нас с могучего “Ура!” О, этот русский боевой клич, приводящий в трепет врагов! А на Кубани – защитнице славной южных рубежей государства нашего – как-то особому его воспринимаешь...

Проговорили в приподнятом настроении весь урок. Я напоминал, рассказывал о вхождении Крыма в состав Российской империи в 1783 году, попутно, конечно, не мог не вспомнить и Георгиевский трактат этого же года, спасший грузин от исчезновения... И о своеобразии исторической памяти говорили, дошли и обсудили хрущёвский “подарок” Украинской ССР в 1954 году...

Да и на последующих уроках тема референдума о присоединении Крыма к России была главной.

И весь день не покидала радостная взволнованность. И в кои-то веки смотрел я выпуски теленовостей. Какие счастливые, простые, славянские лица в Севастополе, Ялте, Симферополе показывало телевидение – забытые картинки...

Радостную же разгорячённость ведь надо куда-то девать, правильно? Договорились со старшеклассниками провести футбольный матч и посвятить его нашей общей победе. Противостояние футбольное, с давней историей, называется “Вавилово” – “Учхоз”. На нашем учхозовском стадионе тренировались все эти дни, чтобы сойтись в эпической битве 24 марта. Судейство доверили мне. Я внёс некоторые изменения в правила. Например, за матеров, который вдруг донесёт до меня ветерок, не просто удаление с поля, но и назначение пенальти.

Матч получился: никто не собирался уступать, ни “вавилоняне”, ни “учхозовцы”... Я назначил два пенальти. Нет-нет, за подножку и игру рукой в штрафной площади. Счёт не скажу – победила дружба.

В мае на учхозовском же стадионе состоялся у нас матч-реванш, а на главном стадионе Краснодара – стадионе “Кубань” – самые знающие и проницательные болельщики заговорили о нелёгких временах, которые ждут старейшую команду края: бизнес основного спонсора находился в Донбассе.

Обсуждали мы на одном из уроков с “околофутболистами” трагедию в Одессе и зловещую роль, что была отведена в ней футбольным фанатам... “Да какие это фанаты, это – отморозки, мы не такие...” – звучало рефреном...

... Месяц май с трудом можно обозвать месяцем учебным. И выпадающая из-за праздничных выходных первая его декада, и наступившая летняя жаркая погода... Всё шепчет ученикам, и даже проникает в учительские уши: “Расслабься... вот они, каникулы...”

Впрочем, учитель тотчас встрепенётся: какие каникулы, впереди недели экзаменационной нервотрёпки.

Учительница литературы, с которой мы сидели на окружном сборе по подготовке к ЕГЭ, сказала:

– Вы заметили? В последнее время все стараются говорить на языке военных. Сплошные стратеги.

Действительно, выступавший тьютор бросался словами и фразами: диспозиция такова... главный удар должен быть направлен... на вооружении учителя... помните, что ЕГЭ – это решающий бой...

Да, думаю, что же получается? Провёл год в тылу, а сейчас ждёт передовая?

Однако на “передовую” я не попал. Вместо этого очутился в пульмонологическом отделении с воспалением лёгких. Дезертировал, так сказать...

К началу нового учебного года списочный состав учащихся нашей школы увеличился на 29 человек. Среди новых учеников – дети беженцев с Украины. Встретили их приветливо, они быстро освоились.

Как странно... Ловишь себя на мысли об этом, когда смотришь на человека, видевшего, пережившего уже – и в таком-то возрасте! – самое бессмысленное и страшное, что придумало себе человечество.

В 7б – бережно мне препорученном, с уведомлением: “Вы с ними только построже, разболтанный, неуправляемый класс...” – новенькая Оксана.

С мамой приехали буквально неделю назад из Алчевска.

Мама, тоже Оксана, рассказала, что стрелять стреляли, но где-то там... в отдалении... канонаду было слышно иногда... А тут в пять утра как бабахнет... ещё... ещё... окна с рамами повывлетали... Мы всей пятиэтажкой на улицу... Кричим, кругом истерика, паника... Сказали потом, будто ракетами этот сынок “Катюши” стрелял... Не поняли? Ну, “Град” так у нас сейчас называют... Мы по-быстренькому собрались и сюда ехать с дочкой... У нас здесь бабушка, моя мама, живёт... Да и я здесь родилась, потом вот замуж выскочила...

Оксана – девчужка бойкая, гордится тем, в этом есть и подростковый вызов, что она украинка. Показывала атласы по истории Украины с интерпретированными картами: особенно не повезло полякам – отхватили авторы атласов-шаблонов землицы польской изрядно...

Группа старшеклассников на перемене:

– Посмотрите! Современный показ войны.

Видео в смартфоне начинается со зловещего заголовка: “Каратели расстреляли машину с семьёй беженцев в Горловке”... И... как чёрт из табакерки, радостная реклама: “Открой “Дирол” и оторвись на Ибнице”! Потом жуткие кадры, подробно, изрешеченная иномарка и три трупа... И в завершение – опять радостный вопль: “Оторвись на Ибнице”... “Открой “Дирол” – открой позитив”!

Девчонки-подружки девятиклассницы подхватывают в этот же день тему, делятся со мною, задело, значит, их:

– Какую-то передачу смотрели у нас дома с мамой. Ну, типа, все базарят, короче, ржак про какого-то комика-гомика... И тут бах! Последние новости...

– Нет! Новость часа!

– Точно! Голос, как из могилы, о жертвах, картинки такие жуткие...

– Да! А потом опять этот напомаженный! Все веселятся, ржут!

– Бесит прямо это!

Принёс из домашней библиотеки книги: “Илиаду”, “Очерки и нравы Древней Греции” на урок моим пятиклассникам. Только выложил на стол перед уроком, как стайка подружек подлетела, начала рассматривать... Цокают языками, восхищаются, рассматривают...

Ксюша Т.: “Мне нравится, как пахнут! Вку-у-сно!”

А Варенька П. помимо восторгов, высказывает и практицизм: “Ого! Цена всего 2 рубля 30 копеек... Ой, я бы столько накупила!”

Такое искреннее восхищение и преклонение перед книгой! Давно – да что там! И не помню даже, когда такое видел.

А потом подумалось: что с ними станет к классу восьмому-девятому?

Заметил, что школьники любят слушать, когда им читают стихи. И пятый класс, и одиннадцатый.

Помню, было это уже на втором году моего учительства, снизошло на меня такое... чтецкое вдохновение, и повод был праздничный... Словом, решение созрело по дороге в школу... И на первом уроке в одиннадцатом классе объявил о всенародном нашем празднике.

Недоумённое переглядывание. Самые пронизательные начинают меня вежливо поправлять, мол, с прошедшим... Да... И вас также, Сергей Валентинович...

– Нет. С прошедшим Покровом, конечно, и вас, уважаемые. Но смею напомнить, что сегодня исполняется 200 лет со дня рождения гениального русского поэта Михаила Лермонтова. А ещё он один из первых русских спецназовцев. Это для вас, парни, информация. Но об этом поговорим в другой раз. А сейчас стихи...

...И читал весь урок.

Начал с хрестоматийного “Люблю Отчизну я, // Но странную любовью!..”, потом: “Когда волнуется желтеющая нива, // И свежий лес шумит при звуке ветерка...”, перешёл – как без Александра Сергеевича! – к любимым: “Подъезжая под Ижоры, // Я взглянул на небеса...” и “Пора, мой друг, пора! // Покоя сердце просит...” и “Если жизнь тебя обманет, // Не печалься, не сердись!..”, потом “Мы встречались с тобой на закате. // Ты веслом рассекала залив...” Александра Александровича, “Грубым даётся радость. // Нежным даётся печаль...” Сергея Александровича...

Понимаю, репертуар можно оспорить, осудить и даже заклеить. Но как слушают Её Величество Поэзию! Бла-го-го-вей-но...

...А-а-а! Какие там урочные планы... цели воспитательные, познавательные... Передо мною поэты! Да-да! Они, современные, семнадцатилетние – практично-лукавые уже, рациональные, но и беззащитно-искренние ещё, в стихии поэзии сейчас, а значит, в этот редкий час единения душ наших и они поэты, и потому: “Любите живопись, поэты! // Лишь ей, единственной, дано...”, “О счастье мы всегда лишь вспоминаем, // А счастье всюду. Может быть, оно...” Перешёл к современникам: “Есть реки, которые вдруг пропадают из виду, // Уходят под землю и долго текут под землей. // Россия – такая река, и теперь ее ищут. // А где она выйдет, об этом не знает никто...”, “...Качнётся люлькою дорога, // И в лунных перьях ходит рожь, // Для счастья надо так немного, // Когда судьбу свою поймёшь...”, добрался, конечно же, до Юрия Поликарповича – он ваш земляк! Знаете? Да как же так... Родные мои, ребяташки... Музей Высоцкого в Краснодаре есть, а поэтика Кузнецов, получается, не заслужил... Ах, ладно... Слушайте: “Завижу ли облако в небе высоко, // Примечу ли дерево в поле широком...” А это? Это великое и незамеченное, написанное двадцать лет назад: “Он возвращался с собственных поминок. // В туман и снег, без шапки и пальто, // И бормотал: – Повсюду глум и рынок. // Я проиграл со смертью поединком. // Да, я ничто, но русское ничто...”

...Что такое сорок минут, когда властвует поэзия, когда разгорается солнцем октябрьское утро? Так – фьють!

И так радостно, что ты русский богатейший человек, ведь именно у тебя есть Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Блок, Есенин, Рубцов, Кузнецов, Башунов...

Продолжил и на втором уроке, и на третьем, поздравления чтецкие с юбилеем... Благо, среда – 5 уроков кубановедения! Извините, Захарии Чепеги да Луки Бычи... Не ваш сегодня день... К четвёртому охрип голос, но пришли на помощь сами ребяташки: читали “Бородино”, устроил что-то вроде соревнования (пообещав, конечно, “пятёрки”), и читали, в основном, девочки. А Даша Г. из моего 7б, талантливейшая девочка и отчаянная хулиганка, которой и мальчишки побаиваются, прочитала “Жди меня” Константина Симонова и не утерпела, похвасталась:

– Я этот стишок за десять минут выучила и параллельно играла в компьютер...

Ну, что тут скажешь... Отшутился:

– Даш, ты какую-то новую методику заучивания стихов изобрела...

Решил поэкспериментировать в своём 7б. Предлагаю им:

– Придумайте рифму к слову “власть”.

Подумали. Ещё подумали... Кто-то, неуверенно:

– Упасть...

И вот, как и полагается, с последней парты, “оплота диссидентства”:

– Красть!

Смех. Стройный такой, с оглядкой на мою реакцию.

Нет, друзья мои, Россия – не родина слонов. Россия – родина поэтов. А значит, прорвёмся!

Новые образовательные стандарты, тот самый ФГОС, колотушкой вбивают в учительскую голову: урок без рефлексии – не урок.

Племя методистов и психологов тут как тут — подготовили, обозначили, сформулировали, как и полагается, помудрёней и позаковыристей, всего-то 12 видов этой самой рефлексии. Поспевай, мол, учитель, торопись, не отставай от века, заставляй учеников рефлексии предаваться. То есть учи их размышлять, проводить самонаблюдение и осмысление своей деятельности...

В конце урока учитель, потирая руки:

— Ну, а теперь, ребяташки, порефлексируем...

И дети:

— Я сегодня был гением!

— Нет, я!..

...Уф!

Порою, случается, что начинаешь сравнивать их, нынешних, с моим, например, поколением. И для такого сравнения лучше всего подходят самые старшенькие — одиннадцатиклассники.

В их возрасте я был уже первокурсником, студентом.

Тогда, в начале восьмидесятых в сознании советских родителей, давно уже и прочно утвердилась лелеемая ими мысль об обязательном высшем образовании для своего чада. Но как ни обихаживай эту мысль, однако же и учиться надо. Надо готовиться к тому, чтобы суметь преодолеть два главных барьера, уготованных тебе государством в юности: экзамены за курс средней школы и барьер значительно выше — вступительные экзамены в ВУЗ.

И ты готовился к преодолению этих барьеров. И никто за тебя платить не собирался. Да и не было никаких платных отделений и платных подготовительных курсов тоже не было... Ужасно, конечно... Как мы умудрялись жить...

Да, это был психологически очень сложный, тяжёлый период. Но это была и закалка силы воли, столь необходимой в юности. Ведь не будете же вы спорить, что только в юности дерзновенной мы хотим, как Рахметов, спать на гвоздях.

Так чем же они, родившиеся во второй половине страшно-залихватских девяностых, отличаются от нас? Поделюсь некоторыми выводами, конечно же, субъективными, из своих наблюдений.

Мы больше читали, а они более информированы. Я бы даже осмелился сказать, что интерес к чтению у нынешних школьников не угасает. Только вот беда — к чтению информативному, а не душеполезному.

Чтение предполагает труд душевный, развивает умственные способности. Информированность же всегда поверхностна: “ни уму, ни сердцу” — это про неё.

И тот же Чернышевский в круг этой информированности не входит. Впрочем, как и антагонист его, Набоков, тоже. Да и весь великий ряд классиков, увы, им (вновь оговорюсь, за редким правилом-исключением) не интересен. Авторитеты вообще на них “не дают”.

Какой-то там, говорите, Дидро, типа, кинул: “Люди перестают мыслить, когда перестают читать”? — Нет, Дидро говорил по-другому: “Народ, перестающий читать, перестаёт мыслить”. Так-то.

Многие из нас, читающих советских школьников, к десятому классу уже могли отвечать по теме, не упражняться в болтологии, а именно отвечать, рассуждать, пусть и ошибочно, “на пол-урока”.

Устная же грамотная речь не возникает в одночасье, она возникает на основе прочитанного, на основе постоянного чтения, в том числе и заучивания — это тоже важнейший элемент в образовании, и в этом, конечно же, нет никакого открытия Америки. Зато мы открыли и сделали главным инструментом нашего образования американский “продукт” — ЕГЭ. Учеников отучают говорить грамотно, образно, чистым, ясным, богатым русским языком с помощью, в том числе, и этих палочек-галочек в клетках ЕГЭшных листов.

Нынешние детки в карман за словом тоже не полезут, но... Как бедна, как невыразительна, как унифицирована их словоохотливость!

Поймал себя на мысли: да не традиционное ли это возрастное ворчание старшего по отношению к младшим?

Нет! Ведь сами они, старшеклассники, сознаются, откровенничают во внеурочных разговорах: вот, **хочу сказать, хочу объяснить, а не могу. Слов не хватает...**

Именно — слов.

Они понимают, пусть даже и неосознанно, величие слова, его первооснову и первопричину во всём.

Главный же мой вывод на оригинальность и вовсе не претендует: они, дети, такие же, как мы, только время иное. И согласитесь, в том нет их вины. Это вина наша.

Не знал, не ведал, что сам окажусь однажды на передовой, так сказать, линии ЕГЭшного фронта.

На часах 7 часов 40 минут. Поднимаюсь на традиционно высокое школьное крыльцо, минуя дверной проём, достаю из широких штанин не дубликатом, но бесценным грузом орлисто-когтистый российский паспорт. Читают женщины, сидящие за столом (две сдвинутые друг к другу парты), просвечивают взглядом, повелительно просят снять с паспорта обложку.

– А это зачем?

– Вы что, первый раз? Может, вы там шпаргалку спрятали.

Вот так вот. Только-только убедил себя в том, что организатор ЕГЭ – звучит гордо, и – такое меленькое, не соответствующее настрою подозрение. Ну, да ладно. “Дура лекс сед лекс” – закон суров, но это закон. Зачем-то произношу эту фразу вслух. На начало этого латинского изречения резко обращается женщина в деловом синем костюме с бейджиком, гласящим, что она представляет министерство образования и науки Краснодарского края.

Расписываюсь, получаю свою карточку с информацией, кто я таков. Воротит, признаюсь, меня от этого слова: “бейджик”. Полчаса в гомонящей, заполненной коллегами аудитории, затем коллективное перемещение в актёрский зал, вновь ожидание.

Время – 8 часов 15 минут. Мчусь по этажам-коридорам купить бутылочку минералочки. Известно и понятно, что, как минимум, до половины третьего мы на свободу не вырвемся. А я же не верблюд, в конце концов, хотя и рядовой учитель истории, обществознания и кубановедения. А учителя, как молва доносит, могут и неделями не питаться.

– Куда?! Назад! – лысый молодец, знакомый мне по инструктажу, где он нас поучал-наставлял, на голову меня ниже ростом, распротёр в дверном проёме руки, богатырски выдвинул свои грудь с животиком и не пускает.

– Послушайте, уважаемый. Я водичку забыл купить с вечера. А утром ещё всё закрыто было. Я мигом – туда-сюда. Фюнф минутен, Савва Игнатьевич.

Нашёл где шутить.

– Я сказал: назад! – руки лысого уже обрастают к моей, вообще-то, как я считаю, считаю давным-давно, неприкасаемой личности.

– Руки! Руки уберите! – а забавно мы со стороны выглядим, мелькает у меня в голове, притом что я тоже изображаю на своём лице оскал человека, когда-то отдавшего два года жизни молодой служению в доблестном стройбате, где, как известно, вместо автоматов выдают лопаты, настолько крут там контингент (“один пьяный стройбатовец страшнее пяти трезвых десантников” – из солдатского фольклора).

За нами с каким-то спортивным интересом наблюдают трое полицейских (две обаятельные девушки и ражий кубанец), также несущие дежурство на входном пятачке.

Наконец, в наш импульсивный диалог вмешиваются женщины, толпящиеся с озабоченным видом здесь же, у входа, в том числе и те, что сканировали взглядом мой паспорт.

Конфликт погашен. За водичкой отправляют подвернувшегося ученика, помогающего осуществлять музыкальную прелюдию к празднику под названием “сдача ЕГЭ”.

В школьном дворе, замечаю, уже начинают собираться первые те, кто сегодня, 25 мая будут сдавать ЕГЭ по литературе и географии.

Мне же велено возвращаться, причём немедленно (“Поймите, вы здесь мешаете”, – спокойно увещевает меня милая женщина – общественный наблюдатель) в актёрский зал. По дороге туда придавлен вопросом: что же бы случилось в этом прекрасном и грозном мире, на Кубани щедрой, в Краснодаре славном, если бы я сбегал и купил бы водички?

В актовом зале сидим, ждём ещё с десятков минут. И вот начинается “раздача слоников”: распределение, кто и где будет нести службу.

... Затем озвучивается список “коридорных”. Радостные улыбки у названных. Тут работёнка проще. Едва ли не единственная сложность: сопроводительно-туалетная, как в тюрьме.

И напоследок называют фамилии тех, кто будет дежурить на входе. Я оказываюсь в числе последних. Ну, что ж, поработаем “швейцаром”. Я возвращаюсь туда, где ещё десять минут назад был “мешающимся”. Обмениваемся понимающими улыбками с общественной наблюдательницей. Всё в жизни бывает. На столе меня дожидается бутылочка негазированной воды и пять рублей сдачи.

На крыльце нервничают заместитель начальника городского департамента образования, начальник отдела образования Прикубанского внутригородского округа. Потом выяснится, что не были готовы какие-то списки. А в 9 часов по плану должна была начаться напутственная линейка.

Психоз выносятся на крыльцо:

– Построились по школам! Живо! Живо!

Внизу жмутся друг к другу, озираются испуганно “инопланетяне”. Так я называю тех мальчишек и девчонок, которые читают не только статусы ВКонтакте, но и книжки. Дочитались до того, что для сдачи ЕГЭ выбрали литературу. С ними, совсем уж небольшим числом, сдающие географию.

Забегая вперёд, скажу, что экзамен по литературе в целом по России сдавали 38 тысяч 10 человек. Это менее 5 процентов выпускников 2015 года. А вот, к примеру, обществознание сдавали более 428 тысяч. Это когда-то генсек Андропов признавался, что мы не знаем общества, в котором живём...

Происходит распределение по группам. Учителя-организаторы с таблицами колонной по одному ведут выпускников. Начинается проверка-сверка паспортов. Эту функцию выполняю я с напарницей – зеленоглазой Ольгой Геннадьевной. Пытаемся действовать согласованно. Ольга Геннадьевна тренированным педагогическим взглядом проверяет паспортные данные, называет фамилию, я нахожу такую в списках, ставлю галочку. После этого в ход идут металлоискатели полицейских.

Иные из учеников – ходячие сомнамбулы страха. Таким я в нарушение всяческих инструкций говорю: “Всё будет хорошо!” или “Ну-ка, сейчас же улыбнись!” – других поздравляю с Днём филолога – на календаре 25 мая 2015 года.

“Разговорчики!” – шепчут мне замечание. Я куражливо огрызаюсь. Ну, надо же как-то сопротивляться этому коллективному безумию: “Шаг влево, шаг вправо...”

Одной девочке сразу после этого проверочного коридора становится плохо, и её едва успевают подхватить под руки девушки-полицейские...

Кто-то из числа начальствующих особ негромко вносит директиву: “Выведите её из-под камеры”. Видеокамера безучастно взирает на всё это...

Экзамен начинается ровно в десять.

...Потянулись сразу после полудня первые написавшие ЕГЭ.

– Трудные задания?

– Нет, ожидал (-а) более сложного, – стандартный ответ.

Экзамен длится 3 часа 55 минут. Учтивая, что его официальный старт в 10 часов, затем минут двадцать происходит инструктаж участников ЕГЭ и процедура вскрытия конвертов, стало быть, экзамен продлится примерно до 14 часов 20 минут. А ещё есть учащиеся, проходящие по отдельному списку с различного рода заболеваниями – они имеют право взять дополнительные полтора часа.

Марафон, да и только. Вот представьте. Пробудился (если, конечно, он ещё спал) выпускник в шесть утра. К половине девятого должен быть у школы, где проходит ППЭ. Затем весь этот психозно-проверочный церемониал с металлоискателями на финише промежуточном. Продвижение к аудиториям: “Тихо! Не разговаривать!”

На дверях каждой аудитории плакаты. От пафосных: “Мы за честный ЕГЭ”. Переходящие к предупредительным: “Нарушил правила – потерял год”. И завершая вовсе зловещими: “Дал списать – потерял будущее”.

Затем сидение в аудиториях – ожидание десяти часов, когда организаторы ЕГЭ могут начать вскрывать пакеты. Впрочем, до этого читается организаторами инструктаж участникам ЕГЭ.

Инструктаж небольшой – всего пять страниц. Его начало: “Текст, который выделен жирным шрифтом, должен быть прочитан участниками ЕГЭ слово в слово. Это делается для стандартизации проведения ЕГЭ. Комментарии, отмеченные курсивом, не читаются ученикам. Они даны в помощь организатору”.

Рассказывали коллеги, случалось, что организаторы при чтении этого документа, не справившись с волнением, начинали, как выражается молодёжь, “тупить”. И вот читает бедный организатор всё подряд, и звучит это так:

– Проверьте целостность своего индивидуального комплекта. Осторожно вскройте пакет, открывая клапан справа налево по линии перфорации. Организатор показывает место перфорации на конверте. Ой...

Это ещё хорошо, если “ой”...

Всё чаще посматриваешь на часы. Стрелки, ну, точно остановились. Глоток воды. Ещё парочка умненьких наших российских детей идёт по коридору с освобождённым видом. Уточняешь, из каких школ, просишь их подождать, идёшь скорым шагом в аудиторию, где находятся сопровождающие учителя, сообщаешь им радостную весть. Они отдают сданные им вещи выпускников. Всё. Сдавший ЕГЭ выпускается на свободу. Один паренёк продекламировал остроумно: “Темницы рухнут – и свобода // Нас встретит радостно у входа...”

Исполнение функций не только “швейцара”, но и “вестника счастья”, как прозвали меня сопровождающие учителя, имеет и ещё одно неоспоримое преимущество. В движении, в общении нет уже места тем силам, что в час затишья пытались заманить тебя в объятия Морфея. (Кофе, чай бодрящие проходят, видимо, согласно какой-нибудь тайной инструкции по списку запрещённых препаратов для организаторов ЕГЭ). Да, и стрелки часов вроде как опять начали своё движение.

Ровно в 13:00 мимо нас по направлению к кабинету, откуда уже минут десять просачиваются, несмотря на секретность, запахи мяса, сыра и зелени, продефилировали федеральный инспектор, дама из министерства, которую все знают, резко вскинувшая голову при моём цитировании латинского изречения женщина в строгом синем костюме. В сопровождении руководителя ППЭ и директора школы.

Минут через двадцать все вышеназванные прошли обратно. Старичок-инспектор подозрительно раскраснелся – отмечаю по журналистской привычке. Скорее всего, выпил не одну чашку чая, а две. А чай, наверное, зелёный, хорошо жажду утоляет... Я же время расправы со своей бутылочкой негазированной “Кубани” не рассчитал. Ну, что же, вспомним Константина Никольского и последуем его совету: “...Пускай они пьют воду из-под крана...”

Координатор ППЭ, пробегая по коридору, бросает загадочное: “Всем велено ждать. Возникли проблемы...”

Ждём в той же аудитории, что и утром. Вновь несмолкаем тот же женский гомон. Женщины общаются весело, по-кубански громко. У некоторых на партах аппетитно уничтожаются нелегально пронесённые пачки печенья. “Гвозди бы делать из этих людей!” Не просто людей – учителей!..”

Пять мужчин (включая меня) обессиленно опустили головушки на парты.

Нас, представителей вроде как сильной половины человечества, было, вообще-то, сегодня шестеро. Однако с полчаса назад мой коллега – в одной школе работаем, и я знаю, что у него проблемы со здоровьем – язва желудка, математик Олег Павлович – посмел спросить у дамы, которую все знают: “А нас когда выпустят (отпустят)?”

И действительно – экзамен закончен.

“Всё прошло без происшествий. Ну да, одной девочке стало плохо. Ну, это же не ЧП. Это же не обнаружение перед камерами шпаргалок или неправильное вскрытие конверта с КИМами”, – зло ворошу довольные чиновничьи думки.

Все экзаменовавшиеся уже давно ушли. Кстати, лишь одна девочка воспользовалась дополнительным временем. В начале экзамена у неё понизилось давление. Пока восстанавливалась, немного поспала... Но и она освободилась в три часа.

Бывший министр образования Фурсенко на молодёжном слёте на Селигере 22 июля 2007 года без обиняков заявил: “Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы вырастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других”.

А на переднем линии фронта борьбы с этой потребительской чумой – вы, милые учителя.